

Шарипова Э., Шарипова Р., Акматалиев А.

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КЫРГЫЗОВ

В соответствии с установившейся в отечественной гуманитарной науке точки зрения можно выделить пять исторических этапов генезиса кыргызской государственности.

Первый этап: истоки кыргызской государственности III–I вв. до н.э., древне-кыргызское и древнеусуньское государства.

Второй этап: кыргызские государства в системе общетюркских государств. Вершина развития падает на конец VII – начало VIII в. н.э., когда кыргызский каганат на Енисее возглавил Барсбек, и на так называемое «кыргызское великодержавие» IX в.н.э., когда границы государства расширились от Монголии до Тянь-Шаня.

Третий этап: борьба за выживание и несостоявшиеся попытки воссоздания собственного государства (XIII–XIX вв.), Муххамед кыргыз (Тогай-бий) провозглашение Ормона всеобщим ханом кыргызов.

Четвертый этап: создание советского варианта кыргызской государственности от автономной области (1924 г.) до союзной республики (1936 г.) в составе СССР.

Пятый этап: суверенный Кыргызстан, провозглашенный Декларацией Верховного Совета Кыргызской Республики 31 августа 1991 года¹.

По сути, такую же периодизацию, включающую в себя пять этапов, предлагает В.М. Плоских²:

- 1) древнекыргызская государственность до нашей эры;
- 2) тюркский период – государственность енисейских кыргызов, государство Барсбек, государство Караханидов;
- 3) период безгосударственности XIV–XX вв.;
- 4) государственность советского периода;
- 5) период суверенного демократического государства.

Предметом анализа в данном параграфе будет второй этап из вышеперечисленных этапов отечественной государственности, когда кыргызское государство существовало в системе общетюркских государств. Данный этап будет интересовать нас в первую очередь с точки зрения сущности государственного строительства, и поэтому мы будем обращаться к историческим фактам по мере необходимости, как к своего рода иллюстрациям того, как проявляют себя сущностные стороны явлений, сопряженных с государственным строительством, особенностями

и государственной жизнью кыргызов. Другими словами, нас интересуют сущностные и одновременно специфические черты государств, которые создавались кыргызами в течение определенного исторического периода.

Как пишет В.М. Массон: «Целый ряд обстоятельств, в том числе и благоприятная природная ситуация, привели к тому, что обширные просторы евразийских степей стали зоной, где сформировалось важнейшее историческое явление степной образ жизни. Именно на его основе происходило развитие выдающегося феномена истории кочевых империй... В целом это был важнейший вклад обитавших здесь народов в мировую культуру и во всемирную историю. Его проявления в материальной культуре, интеллектуальной и поведенческой сфере достаточно устойчивы и как подоснова повторяются с естественным своеобразием в целом ряде общественных и этнических образований на огромных пространствах от Молдавии до Монголии»³.

Обращая внимание на своеобразие различных форм общественной жизни, в том числе политических, в степной зоне, В.М. Массон указывает на то, что данные формы можно характеризовать как политогенез, причем, по его мнению, в целом «можно говорить о двух основных формах политогенеза организационно-управленческой и военно-аристократической. В первом случае институты политической власти формируются преимущественно за счет развития в обществе организационных функций, в первую очередь, по масштабному хозяйственному регулированию. Этот путь характерен для обществ с преобладанием в экономике земледельческой сферы, особенно в форме ирригационного земледелия. В степной зоне военно-аристократический путь политогенеза приобрел лидирующее

¹ См.: Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Б.:АРХИ, 2003. – С. 9.

² См.: Какеев А.Ч. Политогенез и ритмы кыргызской государственности / Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Б.:АРХИ, 2003. – С. 72.

³ Массон В.М. Политогенез степных обществ и кочевые империи / Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Б.:АРХИ, 2003. – С. 110. значение. Возможности насильственного перерас-

пределения прибавочного продукта в виде передвигающихся стад были здесь особенно велики. Инициативные лидеры, объединявшие под своим руководством группы воинов, становящихся постепенно все более профессиональными, претендуют на особое положение в обществе. Так через военную функцию идет институализация власти»⁴.

Традиционное многовековое природопользование кочевников адаптировали их к определенной экологической нише. Специфическая форма хозяйствования предполагала именно вписывание в определенный ландшафт, приспособление к нему, а не активное его преобразование, как это было у оседлых народов. Наряду с определенной формой хозяйствования номадами была создан адекватный ей комплекс специфической культуры и быта народа. Именно адаптируемая, пассивная форма хозяйствования номадов, как основа их жизнедеятельности, существования приводила к естественному консервированию не только привычного уклада, но и всего образа жизни, почти целиком исключавшего реформационные процессы в обществе, которые если и происходили, то главным образом под давлением внешних обстоятельств и культур. И если номадам удавалось создавать государства, то возникали они как результат активного противодействия внешним угрозам, и их существование обеспечивалось в значительной мере на основе постоянного использования военной силы. То есть по своей сути это были милитаристские государства. Что же касается государств, которые удавалось создавать кыргызам с древних времен до позднего средневековья, то независимо от того, что они представляли из себя в конкретном формальном отношении, все они в своем развитии базировались на экстенсивном кочевом скотоводстве, представлявшем экономическую основу государства. Но в силу того, что скотоводческая форма хозяйствования была, по сути, недостаточной для поддержания стабильного функционирования государства, милитаристская составляющая государства использовалась кыргызами не только для защиты территорий, но и как инструмент для получения прибавочного продукта за пределами государства.

Мобильные формы хозяйствования, обусловленные с общим мобильным строем, укладом жизни кыргызов, вынуждавшим к частому вторжению на «чужие» территории, наряду с преимущественно враждебными отношениями с соседними народами и племенами, сыграли определяющую роль в сложении характерных особенностей этих государств. Реальные условия

жизни наряду с вышеперечисленными факторами с неизбежностью приводили к тому, что война на деле стала постоянным промыслом в погоне за богатой военной добычей, представлявшим собой своеобразный кочевой «прибавочный продукт». Постоянно имея в своем распоряжении коней и будучи не привязанными к оседлому хозяйству, кочевники имели очевидное преимущество перед оседлым и полуседлым населением, когда речь шла о военных взаимоотношениях между различными племенами и народами. Кочевники совершали быстрые набеги на противника и в случае необходимости столь же стремительно отступали, уходя от внешней угрозы. При таких условиях фактором, существенно способствовавшим возникновению государственности у кочевников, была необходимость отражения внешней опасности, которая значительно увеличивала вероятность консолидации часто разрозненных племен в единый государственный организм. И естественно, если внешние угрозы отсутствовали, то вероятность возникновения государства сводилась практически к нулю.

По сути, полная хозяйственная автономия при наличии укоренившейся привычки к непритязательным, суровым условиям жизни членов кочевых племен значительно затрудняла создание государства у кочевников, которое, как было сказано, возникало преимущественно под воздействием внешних, а не внутренних стимулов. Сами же по себе кочевые государства, как показывает богатый исторический опыт, обладали внутренней рыхлостью и неустойчивостью. При этом характерные примеры из истории государства кыргызов указывают на один достаточно очевидный факт: возникавшие при наличии внешней опасности, кочевнические государства обычно существовали недолго, с устранением же опасности такие государства быстро распались. С другой стороны, та же история показывает, что кочевнические государства существовали относительно долго только при условии, если кочевники, подчиняя земледельческие области, частично интегрировались в них. При полном же включении в оседлую культурную систему кочевники, изменяя прежний образ жизни, полностью растворялись в данной системе. Если же им удавалось сохранить относительную хозяйственную и культурную автономию, то взаимодействие с оседлой культурой осуществлялось в форме взаимодополнения, когда каждая часть населения государства заполняла свою привычную хозяйственную нишу.

⁴ Там же. – С. 111.

⁵ Массон В.М. Указ. соч. – С. 109.

Хозяйственный, политический и социально-

культурный комплекс, сформировавшийся в период возникновения и развития кочевых государств кыргызов, являлся составной частью кочевой цивилизации, имевшей тесную связь с земледельческой культурой. Земледельческое и кочевое хозяйства, эффективно дополняя друг друга, нуждались, таким образом, друг в друге и могли плодотворно существовать только при взаимной поддержке.

Как указывает В.М. Массон: «Эпоха ранних кочевников была важнейшим рубежом в развитии обществ, практикующих степной образ жизни. Происшедшие перемены социологически выводили эти общества в ранг социополитических систем, именуемых в среде оседлых цивилизаций “ранними государствами”. Правда, в отличие от последних, не формировалась целая машина управления обществом, достигшем нового качественного состояния. В среде кочевых номадов инновации проявились, прежде всего, в формировании феномена верховного лидерства, правда, с чертами, отличающимися исключительной яркостью и выразительностью», при этом «стабильность при раздробленности власти в раннекочевнических обществах могла быть весьма значительной, если бы в отдельных случаях не возникала мощная фигура самого верховного объединителя»⁵.

Возникая, как правило, на месте прежних оседлых государств, новообразованные кочевые государства, а вернее, их население неизбежно сталкивалось с проблемой взаимоотношений

кочевников и оседлых оазисов, при этом в стране, политически подчинившейсяномадам-завоевателям, при сохранении значительной части кочевого населения, устанавливался своего рода культурно-территориальный симбиоз.

Но, несмотря на все указанные обстоятельства, приверженность к определенным формам жизни, складывавшимся в течение тысячелетий, была настолько значительна, что ни одна из взаимодействующих культур, испытывая определенное внешнее влияние, не изменялась по существу, т.е. трансформации, какими бы значительными они не выглядели, не носили тотальный и радикальный характер. Из данного утверждения не следует, однако, что опасность полной ассимиляции одной культуры в другой, а с ней и одного этноса в другом отсутствовала. В процессе военных походов и приобщения к другим культурам с неизбежностью происходила утрата некоторых самобытных черт культуры.

Литература:

1. Мукамбаева Г.А. Манас и право. – Бишкек, 2002. – С. 225.
2. Ницше Ф. Соч. в 2 т. – М., 1997. – Т. 1. – С. 290.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 96.
4. Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Б.:АРХИ, 2003.
5. Какеев А.Ч. Политогенез и ритмы кыргызской государственности / Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Б.:АРХИ, 2003. – С. 72.